

Еще не было случая, чтобы кто-нибудь
усомнился в правдивости моих выдумок,
но моим правдивым рассказам
почему-то никто не верит.

МАРК ТВЕН
“По Экватору”

1

Мой дневник не для чужих глаз, но поскольку точный час моей смерти мне неизвестен, а к самоубийству я, к счастью или к несчастью, не склонен, боюсь, что рано или поздно записи эти прочтут. Впрочем, мертвому мне будет уже все равно, кто их прочтет и когда. Меня зовут Телониус Эллисон. Я литератор. Представляюсь так не без некоторого смущения, но исключительно из сочувствия к тем, кому выпадет найти и прочесть эти мои излияния: сам я терпеть не могу истории, в которых главный герой — писатель. Поэтому рискну утверждать, что сочинительством дело не ограничивается, и с тем же (если не с большим) правом в дополнение к литератору я мог бы назвать себя сыном, братом, рыбаком, любителем живописи и плотником. Последнюю огрубляющую руки профессию включаю сюда исключительно из-за матери: она так стыдилась моих мозолей, что годами называла мой неказистый пикап не иначе как универсалом. По паспорту я Телониус Эллисон. Но все зовут меня Монк.

У меня темно-коричневая кожа, курчавые волосы, широкий нос, некоторые из моих предков были рабами, а в Нью-Хэмпшире, Аризоне и Джорджии меня не раз задерживали белые, как смерть, полицейские — словом, общество, в котором я живу, считает меня черным; такова моя раса. При сравнительно неплохих физических данных баскетболист из меня никакой. Слушаю Малера, Аретту Франклин, Чарли Паркера и Рая Кудера на виниловых пластинках и компакт-дисках. Окончил с отличием Гарвардский университет, не испытывая к нему ничего, кроме отвращения. Люблю математику. Не умею танцевать. Не вырос ни в гетто, ни на плантациях Юга. У родителей был небольшой летний дом в Аннаполисе. Дед работал врачом. Отец тоже. Брат и сестра — врачи.

В студенческие годы я вступил в партию “Черных пантер”, от которой к тому времени осталось одно название; вступил, стремясь доказать, что я до мозга костей *черный*. Среди тех, кого общество, в котором я живу, называет черными, есть люди, считающие меня недостаточно *черным*. Некоторые из тех, кого общество называет белыми, тоже так думают. Я это слышал главным образом в адрес своих романов от издателей, отказавших мне в публикации, и от рецензентов, которых я, очевидно, сбиваю с толку. А еще пару раз на баскетбольной площадке, когда после неудачного броска цедил сквозь зубы: “О, боги!” Из рецензии:

В этом мастерски выстроенном романе герои прописаны выпукло, язык сочен, знакомый сюжет приобретает новое звучание, но остается загад-

кой, какое отношение эта переработка эсхилловских “Персов” имеет к афроамериканской истории и культуре.

Как-то вечером на одной из тех утомительных нью-йоркских тусовок, где люди, которые уже что-нибудь написали, оказываются в одной компании с теми, кто еще только жаждет что-нибудь написать, и теми, кто может помочь и первым, и вторым начать или продолжить писать, длинный и тощий литературный агент с малосимпатичным лицом сказал, что я мог бы стать неплохо продаваемым автором, если бы вместо переложений Еврипида и пародий на французских постструктуралистов писал настоящие истории из жизни черных во всей их неприглядной простоте. Я ответил, что жизнь *черных* — это моя жизнь, и она чернее самых черных его фантазий, и что я этой жизнью жил, живу и буду жить. Агент тут же потерял ко мне интерес и переключился на подающую надежды писательницу-перформансистку, которая недавно простояла семнадцать часов подряд в образе садовой статуэтки жокея-негритенка у ворот губернаторской резиденции. Он фамильярно поправил одну из ее накладных афрокошечек и не оборачиваясь, через плечо ткнул в мою сторону оттопыренным большим пальцем.

Горькая правда *во всей ее неприглядной простоте* заключается в том, что я практически никогда не думаю о своей расе. В прошлом думал довольно много, но только чтобы избавиться от чувства вины за то, что недостаточно о ней думаю. Я не делю людей по цвету кожи. А другие делят, и поэтому меня могут застрелить, повесить, обмануть или попытаться остановить уже за одно темно-коричневое лицо, за курчавые во-

лосы, за широкий нос и за то, что мои предки были рабами. С этим ничего не поделаешь.

× × ×

Пилы режут древесину. Распускают вдоль волокон или вгрызаются поперек. Пила для продольного распила скользит по волокнам легко и ровно, но, стоит пустить ее поперек, начинает заедать. Все дело в геометрии зубьев — в их форме, размере, частоте и в том, под каким углом они отведены от полотна. У поперечных пил зубья, как правило, мельче, чем у продольных. Крупные зубья продольных пил быстро срезают стружку, а глубокие зазоры между зубьями позволяют этой стружке свободно выпадать, не давая пиле застрять. Зубья поперечной пилы скошены назад, заточены под углом и делают пропилов шире. Такие зубья аккуратно надрезают волокна и свободно скользят, даже углубившись в пропил.

× × ×

Я приехал в Вашингтон выступить с докладом, к которому относился весьма прохладно, на конференции членов общества “*Nouveau Roman*”¹. Приехал не потому, что ассоциировал себя с этой организацией, или ее членами, или ее целями и задачами, а из-за матери и сестры. Они по-прежнему жили в Вашингтоне, и я их уже три года не навещал.

1 “Новый роман”, или “антироман” — название литературного направления постмодерна во французской прозе, сложившегося в середине XX века и противопоставившего свои произведения социально-критическому, с разветвленным сюжетом и множеством персонажей, роману бальзаковского типа.

Мать хотела встретить меня в аэропорту, но я сказал, что не помню номера рейса. Где остановлюсь, тоже не стал уточнять. Сестра встретить не предложила. Неприязни ко мне Лиза, скорее всего, не испытывала, но довольно рано стало понятно (и это с годами не изменилось), что ей в общем-то все равно, есть у нее младший брат или нет. Я ей казался слишком беспечным, вечно погруженным в абстракции, оторванным от *реальной* жизни. Взять хотя бы учебу: по ее версии выходило, что она сумела закончить медицинский только благодаря усидчивости и упорству, в то время как я за четыре года в колледже не открыл ни одной книги и при этом выпустился с отличием. Бред, конечно, но поди переубеди. Или возьмем работу: она рисковала жизнью, ежедневно пробиваясь сквозь толпу протестующих ради того, чтобы женщины из бедных районов, которые хотели прервать беременность, имели возможность сделать это в клинике под контролем врача, в то время как я беззаботно удил рыбу, строгал доски, сочинял сложные для понимания романы и вел семинар по русскому формализму для горстки высоколобых калифорнийских юнцов. Но если ко мне она была безразлична, то моего старшего брата, ставшего преуспевающим пластическим хирургом в Скоттсдейле (штат Аризона), откровенно презирала. У Билла была семья — жена и двое детей, хотя все мы знали, что он гей. Лиза презирала его не потому, что он жил двойной жизнью, а потому, что занимался медициной исключительно ради денег.

Иногда мне казалось, что брат с сестрой все-таки гордятся тем, что я стал писателем, хоть и не в состоянии прорваться сквозь мои книги, считают их скучными и заумными. Лет сто назад, когда родители очередной раз расхваливали меня перед своими друзьями,

брат заметил: “Если бы ты им подсунил дерьмо на палочке вместо эскимо, они бы все равно восхищались”. Я и сам это понимал, но все равно обиделся. Потом он добавил: “Ну и пусть гордятся, имеют право”. Подразумевая, конечно, что право у них есть, а вот повода нет. Видимо, тогда мне это не было безразлично, потому что я долго на него злился. Теперь я и к Биллу, и к тому его замечанию относился иначе, хотя мы уже четыре года не виделись.

Конференция проходила в отеле “Мэйфлауэр”, но поскольку я не большой любитель такого рода мероприятий и предпочитаю как можно меньше сталкиваться с их участниками, я снял номер с включенным завтраком в небольшой уютной гостинице “Таббард инн” неподалеку от Дюпон-серкл. Больше всего в этом добропорядочном заведении меня привлекло то, что в номере не было телефона. Я заселился, распаковал вещи и принял душ. Потом спустился в лобби, где телефон был, и позвонил сестре в клинику.

— Приехал-таки, — сказала Лиза.

Я с трудом удержался, чтобы не заметить, насколько приятнее было бы услышать “Вот ты и приехал”, и просто сказал:

— Ага.

— Матери уже позвонил?

— Нет. Она ведь сейчас, наверное, дремлет после обеда.

Лиза что-то буркнула, соглашаясь.

— Так что, заскочу за тобой, захватим старушку и пойдем ужинать?

— Давай. Я в “Таббард инн”.

— Знаю. Буду там через час.

Она так стремительно повесила трубку, что я даже не успел сказать ни “Пока”, ни “До встречи”, ни “Да

пошла ты, сам доберусь”. Впрочем, Лизу я бы все равно не послал. Очень ее уважал и во многом хотел быть на нее похожим. Свою жизнь она посвятила помощи людям, хотя, по-моему, особой любви к человечеству не питала. Идею служения она унаследовала от отца, который продолжал лечить половину пациентов бесплатно даже после того, как открыл частную практику.

Похороны отца стали настоящим событием для всего северо-западного Вашингтона, но при этом запомнились какой-то простотой и естественностью. Улица перед Епископальной церковью, которую родители никогда не посещали, была запружена народом: у всех слезы на глазах, все уверяли, что в свое время сам великий доктор Эллисон принял их в этот мир из материнской утробы, хотя многие были еще совсем молоды и, без сомнения, родились уже после того, как отец перестал практиковать. Я и по сей день не могу до конца осмыслить это зрелище или хотя бы найти ему внятное объяснение.

× × ×

Ровно через час приехала Лиза. Мы как всегда неловко обнялись и вышли на улицу. Я сел в ее роскошное авто, утонув в кожаном кресле, и сказал:

— Впечатляет.

— Подкальываешь? — спросила она.

— И в мыслях нет, — сказал я. — Удобно, мягко, куча примочек, на ходу не разваливается, не то что моя.

Лиза повернула ключ зажигания.

— Надеюсь, ты внутренне подготовился.

Я посмотрел на нее. Проследил, как она переводит рычаг автоматической коробки передач в режим “драйв”.

— Мать не всегда ведет себя адекватно, — сказала Лиза.

— По телефону не скажешь, — сказал я, понимая, что это глупо, но внутренне оправдываясь тем, что отодвигаю момент, когда мелкие жалобы сменятся объявлением о надвигающейся катастрофе.

— Ты всерьез думаешь, что можно что-то понять за пять минут вашего телефонного трепа? Когда вы в последний раз по-настоящему разговаривали?

Я-то считал, что мы все время разговариваем по-настоящему, но теперь понял, что ошибался.

— Она все забывает; забывает даже то, о чем ты ей минуту назад напомнил.

— Возраст.

— Я тебе об этом и говорю.

Лиза вдруг резко всей ладонью надавила на клаксон, затем опустила стекло.

— Чтоб ты сдох, полип аденоматозный! — завопила она водителю впереди из-за того, что ей не понравилась, как он остановился.

— Будь осторожней, — сказал я. — Мало ли, на кого нарвешься.

— В гробу я его видала, — сказала она. — Четыре месяца назад мать все счета оплатила дважды. Все до единого. Догадайся, кто теперь чеки выписывает?

Лиза повернулась ко мне в ожидании ответа.

— Ты.

— Бинго! Ты в Калифорнии прохлаждаешься, Красавчик Флойд людей уродует в своем Пердидейле, все на мне.

— А Лоррейн?

— Лоррейн на месте. Куда она денется? Как всегда, подворовывает, где может. Думаешь, возражала, когда ей два раза зарплату заплатили? Сил моих больше нет.

— Прости, Лиза, это действительно несправедливо.

Я не знал, что еще сказать. Разве что предложить переехать в Вашингтон и жить с матерью.

— Мать даже не помнит, что я в разводе. Все помнит про Барри, все до последней мелочи. Кроме того, что он сбежал от меня со своей секретаршей. Увидишь. Первое, что она спросит, когда мы войдем: “Вы с Барри наконец забеременели?” Полный финиш!

— Может, я могу чем-то помочь по дому? — спросил я.

— Ага, щас! Починишь какую-нибудь батарею и уедешь, а мне потом дырку в голове сделают. “Монкси сделал так, чтобы дверь не скрипела. А ты почему ничего не умеешь? С твоим-то образованием”. Не трогай ничего в доме, понял?

Хотя рука Лизы не потянулась к пачке “Мальборо”, не выудила из нее сигарету и не поднесла ее ко рту, я понял, что Лиза мысленно проделала именно это. Она щелкнула воображаемой зажигалкой и выпустила клуб дыма. Потом снова повернулась ко мне.

— Ну, а ты-то как, братишечка?

— Да вроде нормально.

— По делам сюда?

— На конференцию общества “*Nouveau Roman*”. Выступаю с докладом.

Повисшую паузу я расценил как ожидание более развернутого ответа.

— Я работаю над романом (пожалуй, по жанру это все-таки роман), герой которого разбирает эссе Ролана Барта “S/Z”, пользуясь тем же методом, каким в “S/Z” Барт пользуется для анализа бальзаковского “Сарразина”¹.

¹ Выдержки из эссе Ролана Барта в следующей главе приводятся (иногда с незначительными изменениями) в переводе Г. Косикова и В. Мурата.

Лиза что-то буркнула, слов я не разобрал, но повзвучу вполне дружелюбное.

— Все-таки заумь, которую ты сочиняешь, я читать не могу.

— Извини.

— Тупая, наверное.

— Как у тебя на работе?

Лиза покачала головой.

— Ненавижу эту страну. Всех этих упырей, протестующих против абортот. Видел бы ты их рожи. Каждый день митингуют у входа в клинику со своими плакатами. Жуть. Слышал, наверное, что они устроили в Мэриленде.

Я кивнул, потому что читал про снайпера, который застрелил медсестру через окно клиники.

Лиза нервно забарабанила по рулю указательными пальцами. Как всегда, сестра казалась мне намного более цельной, чем я сам, а ее проблемы — намного более значимыми, чем мои собственные. И не мог я ей предложить ни совета, ни решения, ни хотя бы сочувствия. Даже в машине, несмотря на невысокий рост и мягкие черты лица, она словно бы возвышалась надо мной.

— Знаешь, за что я тебя люблю, Монк? — вдруг сказала она после долгой паузы. — За то, что ты умный. Понимаешь такие вещи, которые мне никогда не понять, а тебе ради них даже напрягаться не надо. Такой ты у нас особенный. — Комплимент был сделан не без горечи. — Билл — мясник. Может, скальпель он и освоил, но хирургом от этого не стал. И единственное, к чему он стремится, это орудовать скальпелем и получать хорошие бабки. А ты... Тебе ведь никто не платит, чтобы ты думал про всякую хрень, а ты все равно про нее думаешь. — Лиза затушила воображае-

мую сигарету. — Написал бы хоть раз что-нибудь такое, что я бы смогла прочитать.

— Буду работать над этим.

× × ×

Я всегда рыбачу на небольших водоемах — ручьях, протоках и малых реках. Но еще ни разу мне не удалось вернуться к машине засветло. Как бы рано ни вышел, обратно бреду уже в темноте. Заброшу в эту ямку, потом в ту, там пережат, здесь омут под подмытым берегом, дальше излучина с обратным течением, и каждое следующее место кажется заманчивее предыдущего, и так незаметно уходишь на многие километры. Когда понимаю, что день на исходе, разворачиваюсь и иду назад, забрасывая удочку в каждое лакомое местечко, и все они выглядят еще более многообещающими в новом ракурсе, и не дает покоя мысль о том, что на закате клев лучше.

× × ×

Когда мы приехали в родительский дом на Ундервуд, мать только встала после дневного сна, но, как всегда, одета была так, будто собиралась на светский раут. Румяна она носила по старой моде, и они отчетливо выделялись на светло-коричневых щеках, что в ее возрасте выглядело даже мило. Мне показалось, что с прошлого раза она еще уменьшилась в росте. Мать обняла меня чуть менее формально, чем сестра и сказала: “Мой маленький Монкси дома”.

Я слегка приподнял ее, оторвав от пола (ей это всегда нравилось), и поцеловал в щеку. Потом мать повернулась к Лизе, но та уже была наготове.

— Ну, что, Лиза, вы с Барри наконец забеременели?

— Барри забеременел, — сказала Лиза.

Лицо матери приняло озадаченное выражение.

Лиза пояснила:

— Мы с Барри в разводе, мама. Этот идиот сбежал от меня с другой.

— Искренне тебе сочувствую, дорогая. — Мать хлопала Лизу по плечу. — В жизни всякое бывает, дружок. Не переживай. Все образуется. Как говорил твой отец, “не так, так эдак”.

— Спасибо, мама.

— Мы приглашаем вас в ресторан, мадам, — сказал я. — Как вы на это смотрите?

— Это восхитительно, просто восхитительно. Мне только надо попудриться и взять сумочку.

Она ушла, а мы с Лизой остались в гостиной. Я подошел к каминной полке и осмотрел фотографии, которые там никогда не менялись.

× × ×

Мой отец был значительно старше матери. В июне, когда заканчивался учебный год, мы все набивались в машину и ехали в Хайленд-Бич (штат Мэриленд), в наш летний дом на берегу залива, пустовавший зимой. Мы распахивали окна, выметали мусор, снимали паутину и разгоняли приبلудных котов. Все лето мы проводили у океана, а отец наезжал по выходным. Помню, как он всегда уставал после первой уборки и, когда перед ужином все играли в софтбол или крокет, садился на веранде в шезлонг и наблюдал за игрой. Он подбадривал мать, когда та брала биты, советовал, как лучше ударить, потом в изнеможении откидывался назад,

словно не только игра, но даже мысль о ней его утомляла. С утра у него было больше энергии, и как-то так вышло, что мы стали вместе ходить на утренние прогулки. Шли к пляжу, выходили на пирс, потом обратно на пляж, мимо дома Дугласов, к приливной заводи, где садились и наблюдали за крабами, ползущими по течению. Иногда мы брали с собой ведро и сачок, и под руководством отца я отлавливал на обед пару десятков крабов.

Однажды он как-то странно, всей тяжестью осел на песок и сказал:

— Ты хороший парень, Телониус.

Я оглянулся на него, стоя по щиколотку в воде.

— Не такой, как твои брат и сестра. Они, конечно, тоже разные. Но между ними больше общего, чем они готовы признать. А ты совсем другой.

— Это хорошо, папа? — спросил я.

— Да, — сказал он так, словно только что это понял. Потом указал рукой на воду. — Вон отличный какой, приготовился панцирь сбрасывать. Его лучше издалека накрыть.

Я так и сделал, подцепив краба сачком.

— Молодчина. Ты и мыслишь незаурядно. И видишь все по-особенному. Если бы у меня хватало терпения вникать в то, что ты иногда говоришь, я бы у тебя многому научился.

Я не до конца понимал, о чем он, но считывал хвалебную интонацию и млел от удовольствия.

— И ты такой невозмутимый. Сохрани это качество, сынок. В жизни оно тебе может больше всего пригодиться.

— Да, папа.

— Особенно когда захочешь позлить брата с сестрой.

Затем он откинулся на спину, и у него случился сердечный приступ.

Я подбежал к нему. Он стиснул мое плечо и сказал: — Теперь походи и позови кого-нибудь на помощь. Только не суетись.

Это оказался первый из четырех инфарктов, которые он перенес до того, как вышел из дома и застрелился в один не по-февральски теплый вечер, когда мать уехала к подруге играть в бридж. По всей видимости, его самоубийство не явилось для нее неожиданностью — она обзвонила нас по старшинству и каждому повторила одну и ту же фразу: “Тебе следует приехать домой на похороны отца”.

× × ×

Ужин был заурядный, ни рыба ни мясо. Мать говорила вещи, от которых сестра закатывала глаза, каждый раз затягиваясь воображаемой сигаретой, так что к концу вечера мысленно выкурила целую пачку. Мать рассказывала, как хвасталась моими книгами перед подругами, с которыми играет в бридж, и, как всегда, спросила, неужели в английском языке нельзя найти адекватной замены слову “блять”. Затем сестра высадила меня у гостиницы, без всякого энтузиазма согласившись встретиться завтра на ланч.

× × ×

Мой доклад был назначен на 9 утра, поэтому я собирался пораньше лечь и по возможности выспаться. Однако, войдя в номер, обнаружил подsunутую под дверь записку с просьбой перезвонить Линде Мэл-